

Е.С. Анненкова

**ТРАДИЦИЯ ТУРГЕНЕВСКОГО ПЕЙЗАЖА В ТВОРЧЕСКОМ
НАСЛЕДИИ Б.К. ЗАЙЦЕВА**

Борис Зайцев был истинно русским писателем, любившим родную природу и впитавшим ее благодатные соки. Как и его великие предшественники, в частности, И.С. Тургенев, он посвятил русской природе множество проникновенных страниц, свидетельствовавших о его большой любви к орловско-тульско-калужским местам. В современном зарубежном литературоведении активно исследуется художественный мир произведений этого самобытного русского писателя XX века, много внимания уделяется в том числе и особенностям его пейзажных зарисовок. В рамках данной статьи ограничимся рассмотрением специфических черт пейзажей Б. Зайцева в связи с существующей русской классической традицией в изображении природы.

В описаниях природы Б. Зайцева, насколько субъективными они бы ни были, всегда узнается средняя полоса России. В художественной биографии «Жуковский» Зайцев посвящает русской природе такие поэтические строки: «Ока берет начало несколько южнее Орла. Худенькая еще в Орле и скромная, скромно восходит она прямо на север, к Калуге. Там возрастает Угрой. Медленно, неустанно пронизывает извивами зеркальными Русь через Рязань до Волги – светлая душа страны. <...> В меру полей, перелесков, лугов, деревень, барских усадеб. Ничего дикого и первобытного. В необъятной России как бы область известной гармонии – те места Подмосковья, орловско-тульско-калужские, откуда чуть не вся русская литература и вышла» [5; V, с. 179]. Произведения Зайцева открывают нам красоты застенчиво тихой русской природы, описания которой пронизаны глубоким чувством родины. В «Золотом узоре» несколькими предложениями нарисован типичный уголок давно ушедшей в прошлое России: «...я распахнула окна. Через сад, полого шедший вниз, были видны луга и речка. Вдалеке шумела мельница, солнце охватило предвечерним светом те далекие березы парка, где мы проезжали, а над ними, вправо, высился бугор, весь в нежных зеленях, тоже под лаской солнца. Вот она, Россия! Вокруг меня были поля, лесочки, всходы яровых, стада мужицкого скота, деревни с ветлами, с нечесаными ребятишками – край небогатый, неказистый, но и милый сердцу моему, летевшему чрез сотни верст легко, как родной земле» [5; III, с. 32]. Перед нами описание летнего солнечного дня со всеми знакомыми приметами русского пейзажа: сад, поля, луга, речка, небольшие леса и неперемненные составляющие его – деревни. Но весь отрывок насквозь лиричен, в лаконичности его строго перечисленных реалистических деталей ощущается голос автора, сливающийся с голосом героини в чувстве глубокой любви к родине. Эта неизбывная любовь к России делает Зайцева частью той большой культурной и художественной традиции, которая была выработана классиками русской литературы. И, конечно же, это роднит его с Тургеневым, в котором он всегда выделял среди многих других достоинств исключительное тургеневское мастерство пейзажиста.

В 1907 г., после выхода в свет сборника рассказов Зайцева, Зинаида Гиппиус, отозвавшись на него рецензией, заметила: «Маленькая. Тоненькая книжка, темная – цвета земли. Язык простой и круглый, современный – но без надрывных изломов, а действительно живописный, иногда очень яркий. Так видел бы природу современный Тургенев, вернее, так бы он описывал ее, – Тургенев без романтизма, без нежности и без тенденции, если сказать грубо; без осмысливания – если выражаться шире и вместе с тем точнее» [3; с. 588]. Трудно сказать, что это сравнение с Тургеневым носило оттенок похвалы, но все же общая схожесть у Зайцева с Тургеневым в изображении природы была верно схвачена поэтессой.

Б. Зайцев – удивительный мастер поэтических пейзажей. Его описания природы пронизаны светом, играют красками и их тонкими оттенками, в них много неба и много воздуха, много движения и быстрой изменчивости природных состояний. У писателя преобладают пейзажи-впечатления, которые некоторые ученые, в частности, Н.А. Куделько, М.В. Ветрова, считают атрибутом исключительно импрессионистического стиля Зайцева. Зайцевские описания действительно передают первичное, мгновенное впечатление от увиденного созерцательно проникновенным тоном, присущим авторской манере письма. По верному замечанию В.Т. Захаровой, писателю вообще была свойственна созерцательность «как органическое личностное начало, самоуглубление при решении, а точнее, чувственном постижении смысла бытия» [7; с. 164 – 165], и этот созерцательный оттенок носят практически все тихие и краткие описания природы писателя. Очевидно, такую умиротворенную лирическую тональность Зайцев «подслушал» у Тургенева и перенес в свое творчество, так как она органично вписывалась в него. Уместно припомнить в этой связи оценки М.О. Гершензона «Записок охотника» Тургенева. Критик утверждал, что эта книга писателя – «любовная книга – потому что Тургенев в ней именно любит: *утихнув душою, любовно созерцает «природу»* [2; с. 68] (курсив – Е.А.).

Зайцеву также дано было «любовно» созерцать природу, причем это его чувство насыщало как городские пейзажи, широко представленные в прозе писателя, так и деревенские. Объективно-описательных пейзажей в произведениях Зайцева достаточно много, но все они рисуются через восприятие их героями: «...Мать и Катя ехали с удовольствием. Зацвели ржи, васильки появлялись. <...> Они видели небольшие церкви, укромные, но благообразные, иногда в стороне от деревни, обсаженные березами, где грачи добродушно орут. <...> Видели стадо в низинке, проезжали мимо кладбища с пышной травой, крестами серыми и белыми из бересты, кладбище, заросшее ивняком, рябиной, кое-где березками ... Они глотали мужицкую пыль и благоухание, данное Господом Богом мужицким полям. Словом, погружались в настоящую Россию» (6; с. 250 – 251). Данное через ощущение сестер, это описание освещается их радостным чувством, вбирает отголосок их души, подчеркивает включенность человека в природу. Такие насыщенные

субъективным настроением пейзажи, носящие отпечаток психологической характеристики героя, создают свойственный писателю так называемый «пейзаж души», в котором мотив единства человека с природой звучит особенно мощно. Вот Христофоров вечером, в лучах «золотисто-оранжевого» заката уходит из дома Анны Дмитриевны: «Этот закат, с нежно-пылающими краями облаков, показался ему милой и чудесной страной былого. Он шел дальше. Странное чувство истомы и как бы растворения, того полубезумного состояния, которое иногда посещало его, – овладело и теперь. Казалось, что не так легко отделить свое дыхание от плеска ручейка в овраге, ноги ступали по земле, как по самому себе, голубоватая мгла внизу, над речкой, была частью его же души – и он сам – в весенней зелени зеленой» [6; с. 407]. В этом отрывке присутствует пантеистическое романтическое ощущение глубокого гармонического единения человека и окружающего мира, когда все живое переходит из одного состояния в другое, является частью одного целого, когда происходит слияние души человеческой с душой мира. В рассказе «Авдотья-смерть», окутанном описанием белоснежной зимы, главная героиня не только всем своим видом под стать зиме (холодная и худая, с белыми губами), она сама растворилась в белом ее воздухе, умерла, замеченная снегом, когда «ревела за окном метель» [6; с. 468]. Писатель подчеркивает родственность человека природным явлениям в их позитивном и негативном выражении, акцентируя мысль о бесконечном единстве человека и природы.

Т. Прокопов верно отметил, что человек у Зайцева «включен в природу эмоционально, переживанием, т.е. естественно, органично, он становится ее частью. Природа, таким образом, у него не фон, не место, где происходят какие-то события, а сама жизнь человека, погруженного в природно-космическое» [11; с.18]. В рассказе «Священник Кронид» ведущим является мотив абсолютной гармонии человека с миром, когда все в нем отвечает процессам, происходящим в природе, когда душа человека созвучна ей, настроена на единый лад с ней, и природа, в свою очередь, отвечает человеку, дышит в унисон с ним. Православные праздники, отмечающиеся в определенные времена года и соответствующие им по настроению и духу, лишь подчеркивают эту мудрость вселенского мироустройства. Вот священник ведет богослужение на Пасху, и «пока Крон читает и молится, в теплой ночи неустанно гудят ручьи, полным тоном, как могучие трубы, а звезд вверху без счету; они неожиданно встают от горизонта, заполняют тьму над головой и так же сразу пропадают у другого края неба. В минуту, когда двери растворяются и выступает из церкви ход, кажется, что светлая волна опоясывает во мраке церковь, под слитный бой колоколов, с пением, и снова вливается внутрь» [6; с. 49 – 50]. Все и в весенней природе отвечает светлому празднику Воскресения Господня, и мириады звезд поют хвалу Создателю вместе с хором людских голосов. Или «в день Егория Крону работа: за деревней, в поле, бывает молебен – благословение гуляющему скоту. В коровах есть задушевность, лошади покойны и важны, как добрые работники, только жеребятки ветрообразны...»

[6; с. 51]. Животные чувствуют важность момента, стоят, как люди, уподобляясь им или сливаясь с природной стихией. А вот наступает летняя Троица, выпавшая «в светлый день. Пыльно по дороге, и солнце наверху горит, а небо радостно-сине, как было давно, в детстве» [6; с. 52]. Все в человеке и природе согласно, мирно, душевно. Под вечер «небо прозрачно. Утихли ветры, и в облаках любовь и благозвучие» [6; с. 54]. Писатель пользуется приемами уподобления и олицетворения, природа у него наделяется человеческими качествами, а люди сродни природе: «луг девствен», «в облаках любовь», «слабенькое тельце» зайчика «полно святого любопытства», коровы «высовывают добрый язык», цветочки ели – «живодышащие существа», «в движениях рыбы была лень»; а у старика Карпыча «волосы снегообразны», сам «коренастый, как хороший боровик», глаза «полны полевого ветра». И во всем этом чувствуется извечный, налажено правильный ход вещей, когда ничто не нарушает гармонии между человеком и природой.

Среди специфических отличий зайцевских пейзажей, сближающих их с тургеневскими, следует назвать их особенную динамичность, изменчивость, что соответствует переменчивости человеческих настроений и отвечает одному из ведущих принципов зайцевской прозы – фиксации быстротекущих, мгновенных впечатлений от окружающего мира, рассчитанной на эмоциональный ответ читателя. Этот принцип свойствен импрессионистической поэтике, генетически восходящей к романтизму, и в творчестве Зайцева обнаруживается органичное его воплощение. Увиденные как бы издалека, сквозь пелену или дымку, что также, по мнению некоторых ученых, характерно для импрессионистической манеры, пейзажи писателя изобилуют цветовыми пятнами, игрой неопределенных колористических оттенков, меняющихся в зависимости от угла и характера падения на них солнечных лучей или звездных отблесков: «Солнце садилось. Неясные – то пыльно-золотистые, то паутинные полосы растягивались над городом. Темно зеленели сады пятнами по склону вдаль, кой-где ярко блестели жгучими нитями телеграфные проволоки, ястреба реяли в воздухе. Кресты и купола горели» [6; с. 41]. В лучах заходящего солнца в сиюминутном восприятии лирического героя городской пейзаж кажется растекшимся темными, блестящими, золотистыми пятнами, соответствующими неопределенному душевному состоянию героев.

Исследователями было замечено, что пейзажи Зайцева, что также роднит его с Тургеневым, буквально залиты светом солнца или луны, под отсветами которых многочисленными оттенками красок играют все земные предметы, поразному освещаются облака, само небо, деревья, реки, поля, купола церквей и лица людей. К зайцевским пейзажам в полной мере применимо высказывание К. Пигарева относительно тургеневских описаний природы, в которых свет является «животворным началом». Это очень близко к технике художников-импрессионистов, так много внимания уделявших свету и воздушной струе в своих полотнах, но восходит это явление к романтическим пейзажам. В

описаниях природы Зайцев уделяет равное внимание всем временам года. В отличие от Тургенева, он любит описывать и русскую зиму. Но в какое бы время суток писатель не изображал разные сезоны, его картины природы всегда залиты светом (солнечным или звездно-лунным) и насыщены прозрачным воздухом. Ю. Айхенвальд замечал, что «Зайцев – солнцепоклонник <...> В наши хмурые дни он поет и пьет солнце, и на сеть лучей похожи его рассказы. <...> Опыяненный солнцем, он вливает его в наши утомленные души» [1; с. 525, 526].

Действие рассказа «Мать и Катя» разворачивается на фоне жаркого лета, сопровождается светом дневного и вечернего солнца, по-особенному высвечивающим все земные предметы. Солнце и небо являются главными образами пейзажей этого рассказа: «День установился необыкновенно прекрасный. К вечеру облачка стали тоньше, легче и выше. Даль светлела голубовато. Зеркально блестел кусочек реки внизу, и была великая радость в этом тихом, но не слепящем свете солнца» [6; с. 260]. Или чуть дальше: «Был четвертый час дня, только что прошел дождь, и по песку дорожки Катины следы влажнели. Туча воробьев, скворцов слетела из чащи; в проглянувшем солнце серебром осыпались брызги. Пахло очаровательным теплом и влагой июльского припарка. На западе, куда шла Катя, небо совсем прояснело, и края туч залились золотистым огнем» [6; с. 264]. Солнечный свет по-разному освещает предметы, и вливает в душу человека ощущения полноты и радости бытия. Нежность и тепло солнечных лучей согревают девушку, кружат голову мыслями о любви, буйным цветом расцветающей в летние дни. В «Путешествии Глеба» лирический герой испытывает то же радостное чувство от согревающего его солнечного света: «Глеб гулял в саду по аллейке с Сережей, под мягким солнцем, в бегущих, играющих, текучих тенях кленов поредевших. <...> Солнце золотой полосой легло на рукав его куртки, когда он сел на свое место, в этом тепле была ласка, нежащий и волнующий привет. В окне верхушки кленов. Над ними лазурь, там вспыхивали порывы ветра, листья клонились, некоторые косым цветным дождем летели вниз» [5; IV, с.214].

Зайцеву удается подметить малейшую игру исходящих с неба солнечных лучей и лежащихся на землю светотеней: «Мельхиседек сидел за деревянным столом, под каштаном. На столе перед ним ученические тетради. Над столом, в вышине лапчатые листья – густая сень. Как из купола поток зеленой тени, прорываемой солнечно-золотыми столбами. Золотые кружочки кое-где на тетрадках, на седой голове...» [5; III, с. 307]. Это в высшей степени красивое и заметное лишь искушенному глазу замечание о тени, образуемой деревьями в присутствии потоков золотых лучей солнца, которое все-таки оставляет свои следы и в тени, очевидно отмечено влиянием Тургенева, мастера подмечать и передавать словами отражение света и тени в своих описаниях. Так, в «Фаусте» он замечает: «Люблю я эти аллеи, люблю серо-зеленый нежный цвет и тонкий запах воздуха под их сводами; люблю пестреющую сетку светлых кружков по темной земле <...> Мой любимый дубок стал уже молодым дубом. Вчера,

среди дня, я более часа сидел в его тени на скамейке. Мне очень хорошо было. Кругом трава так весело цвела; на всем лежал золотой свет, сильный и мягкий; даже в тень проникал он...» [12; с. 119].

Зайцевские лирические пейзажи, рассчитанные на эмоциональное сопереживание читателя, кажутся легкими, невесомо-прозрачными, написанными нежной акварельной краской: «Тихо, медленно летела на болото цапля. Было видно довольно далеко. Поля, лесочки и деревни, две белых колокольни, вновь поля, то бледно-зеленеющие, то лиловые. Весенняя пелена – слабых, чуть смутных испарений, все смягчающих, смывающих, как акварели» [6; с. 407]. Все дано как будто сквозь дымку едва заметной мглы, делающей краски слегка приглушенными, «бледно-зеленеющими» или «лиловыми». Эта меланхолическая тональность умиленного прелестью природы сердца автора роднит зайцевские описания природы с тургеневскими пейзажами, «акварельность» которых подмечали многие литературоведы. Так, В. Львов-Рогачевский заметил, что произведения Тургенева «запали в душу, заражали нежною любовью к природе, тихую грустью о чем-то невозвратном. Вспоминались невольно бледно-зеленые тургеневские акварели, веяло от них усталостью тургеневского «Довольно», да и вообще было что-то тургеневское в этих рассказах-стихотворениях, согретых волнением, в этих «призраках» [9; с. 277]. А Г. Курляндская, сравнивая принципы создания пейзажей Тургеневым и Толстым, подчеркивала, что «у Тургенева предметная определенность образов природы, конечно, сохраняется, но она становится воздушной, прозрачной, лишенной осязательности форм, будто сотканной из воздуха, нарисованной акварелью, в особенности в романтически озаренных пейзажах» [8; с. 98]. Как и Тургенев, Зайцев часто использует сложные прилагательные, составные эпитеты для передачи оттенков цвета предметов или звуков: «золотисто-оранжевый закат», «нежно-пылающие облака», «золотисто-голубоватый свет», «рожок месяца бледно-серебряный», «темно-коричневая листва», «светло-перловые облачения», «медвяно-липкая пурпурная травка», «бледно-зеркальный воздух», «лилово-дымчатая луна» и т.д. Цветовая гамма писателя очень широкая, но преобладают в ней желтые, золотистые, розовые, белые, серебристые и голубые оттенки. Следует отметить также, что у Зайцева главенствуют не основные тона, а именно их оттенки, что соответствует общей меланхолически спокойной интонации и ведущей философии его творчества (у Тургенева, однако, доминирующими являются основные тона, хотя оттенки цветов также присутствуют как отзвук принципов живописи в его творчестве). Ю.А. Драгунова верно указала, что у Зайцева преобладающее «сочетание холодных, спокойных (голубой, белый, серебристый) и теплых (красный, розовый, желтый) тонов выступает как символика таинственной Вечности и реальной благословенной жизни» [4; с. 55]. У Тургенева непросто найти выражено преобладающий цвет или его оттенок, но все же чаще других встречаются прилагательное «алый» и оттенки красного цвета (багровый), о чем писала еще Л.Н. Назарова [10; с. 88].

Для пейзажей Зайцева, как и Тургенева, было характерно явление синэстезии, на что обращали внимание исследователи специфики его творчества, связывая это их качество с импрессионизмом (Ю.А. Драгунова, М.В. Ветрова). Думается, однако, что синэстетизм был свойственен еще немецким романтикам, разрабатывавшим его принципы в теории и на практике. Позднее принцип синэстетизма развился в символистской теории соответствий, а на рубеже веков его углубление и частое проявление в произведениях писателей того времени было обусловлено поисками возможного синтеза искусств, который стал главным атрибутом эпохи серебряного века. Уместно вспомнить мистические размышления на этот счет Г. Чулкова: «Бывают мгновения, когда человеческая душа, отбросив узы рассудочного сознания, вступает в непосредственное общение с тайной. <...> Мы делаем еще одно усилие, – и перед нами открывается иной мир: мы слышим, как звучат краски, мы видим звуки...<...> В нашей душе заложено стремление к высшему синтезу, к Вечности...<...> Мы теперь накануне великих открытий. Природа человеческая утончается. То, чего раньше вы не видели, пламенеет красками. Мы чуем на своем лице прикосновение теней» (13; с. 13 – 16). У Зайцева синкретическое восприятие явлений природы и материального мира вытекало из опыта его литературных предшественников, среди которых первым все же надо назвать Тургенева, а потом Чехова, также серьезно повлиявшего на формирование художественных принципов поэтики Зайцева. Писатель умел и слышать, и видеть, и чувствовать, и претворять свои межчувственные впечатления в художественные образы. Природные явления видятся ему как «блеск сухих паутинок по траве – слюдяной и серебристой – горький воздух, шуршащие под ногой листья...» [6; с. 214]; в небе «тихо» звучит заря, «внимательная, нежная заря. Ночь смолкает: неопределенный свет в комнатах через шторы» [6; с. 45]; «липы цвели, золотели, сладко благоухали» [6; с. 166]; и совсем по-тургеновски ярко – «Небо очень добро светило звездами. Пахло липой, ржами. Мягко и очень мелодично тренькал перепел – скромный музыкант июньской ночи» [6; с.254].

Б. Зайцеву, как и Тургеневу, были близки принципы искусства живописи, которую оба хорошо знали. Так, интересной особенностью зайцевских пейзажей является то, что писатель часто вписывал в него фигуры людей. Это свойственно европейскому живописному романтическому пейзажу, в частности, этим приемом отмечены полотна Дж. Констебла, У. Тернера и К.Д. Фридриха. В картинах этих художников чаще всего на фоне пейзажа изображаются люди. У Фридриха это связано с христианским романтическим миропониманием художника. Его вписанные в пейзаж одинокие человеческие фигуры передают ощущение единства человека и природы, когда человек чувствует себя частицей великого мироздания, сотворенного Богом. У Зайцева посредством слова достигается тот же эффект интенсивного и глубинного общения человека с природой, когда он представляется неотъемлемой частью Вселенной. Антону, одному из героев «Голубой звезды», захотелось увидиться

с дорогой для него девушкой: «он не знал, где она, просто вышел в сад, взял направо, прыгнул через канаву и направился к недалекому лесу. Пахло лугами; откуда-то доносились голоса; будто телега поскрипывала. У опушки леса виднелось белое платье. Лес был – ельник; тропинка выводила к обрыву над речкой, притоком Москвы-реки. Песчаный скат шел к воде, в нем стрижи устраивали ямки, и торчали корни сосны. Машура босиком, слегка подоткнув юбку, стояла по щиколку в воде и подымала камни» [6; с. 326]. Фигура девушки, уловленная взглядом Антона издали, виднеется белым пятном на фоне речного пейзажа. Ее лица не видно, она изображена спиной, но ощущение прелестной гармонии, которую составляет Машура с природой, передается через спокойное и благостное настроение юноши. Или вот еще один пример выразительного и символического в своей цветовой гамме пейзажа с вписанной в него женской фигурой: «Пароход шел к Лидо. Сверкало по воде солнце, клубы пены зеркально-белой рвались за кормой, убегая легкой струйкой. На носу горела в солнечном огне Туманова, в ярко-красном платье; ветер ее облекал, хватал, ласкал. В нем летели концы шелковой вуали. <...> Рядом с Федей, напряженная до высшего, излучая пламень, – казалось, она вдруг закричит звеняще, дикой, чудесной нотой, кинется в пену, водоворот, как ярая наяда» [6; с. 118]. Женщина является частью одной из стихий природы – ветра. И, как языческая наяда, она не страшится его буйства. Центральным пятном на фоне залитого солнцем моря выделяется ее красное платье, цвет которого символизирует кровь, которая прольется из-за нее на древней итальянской земле.

Таким образом, можно сказать, что пейзажи Зайцева восходят к тургеневской традиции изображения природы. Они проникнуты лирическим настроением, построены на чувственном восприятии природы, рассчитаны на эмоциональное сопереживание читателя. Зайцев создает психологически тонкие «пейзажи души», подчеркивающие глубинные связи человека и природы, когда природные явления корреспондируются с чувствами и настроениями героев, находящими, в свою очередь, им отзвук в окружающем мире. Как и тургеневские, зайцевские пейзажи наполнены солнечным светом, воздухом и небесным простором; они насыщены красками и оттенками цветов, они звучат и источают разные природные запахи, т.е., они синэстетичны по своему характеру. Картины природы Зайцева выразительно живописны, в них обнаруживается очевидное сходство с художественной техникой мастеров западноевропейской живописи, что также заставляет думать о преемственных связях в описаниях природы Зайцева с творческими завоеваниями Тургенева-пейзажиста.

Литература

1. Айхенвальд Ю. Борис Зайцев / Ю. Айхенвальд / Зайцев Б.К. Осенний свет : Повести, рассказы. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с. – С. 521 – 530.

2. Гершензон М.О. Мечта и мысль И.С. Тургенева / М.О. Гершензон. – М. : Товарищество «Книгоиздательство писателей в Москве», 1919. – 170 с.
3. Гиппиус З.Н. Тварное / З. Гиппиус / Зайцев Б.К. Собрание сочинений: В 5 т. – Т. 1. – М. : Русская книга, 1999. – 608 с., 1 л. портр. – С. 588 – 590.
4. Драгунова Ю.А. Цветовая символика в творчестве Б.К. Зайцева / Ю.А. Драгунова / Жанрово-стилистические проблемы русской литературы XX в. : [сборник научных трудов]. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1994. – С. 48 – 55.
5. Зайцев Б.К. Собрание сочинений : В 11 томах / Б.К. Зайцев. – М. : Русская книга, 1999 – 2001. Тексты цитируются по данному изданию с указанием римской цифрой тома, арабской – страницы.
6. Зайцев Б.К. Осенний свет : Повести, рассказы / Б.К. Зайцев / [Составление, вступ. статья и примечания Т.Ф. Прокопова]. – М. : Советский писатель, 1990. – 544 с.
7. Захарова В.Т. Идея созерцания в русской философии и творчестве Бориса Зайцева (к постановке проблемы) / В.Т. Захарова / Творчество Б.К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века: Сб. ст.: Четвертые Международные научные Зайцевские чтения, Калуга, 15-17 окт. 2003 г. – Вып. 4. – Калуга : Институт повышения квалификации работников образования, 2003. – С. 164 – 171.
8. Курляндская Г.Б. Художественный метод Тургенева-романиста / Г.Б. Курляндская. – Тула : Приокское книжное издательство Тула, 1972. – 344 с.
9. Львов-Рогачевский В. Борис Зайцев / В. Львов-Рогачевский / Зайцев Б.К. Собрание сочинений. Т. 10 (доп). Письма 1901 – 1922 гг. Статьи. Рецензии. [Сост. Е.К. Дейч и Т.Ф. Прокопов]. – М. : Русская книга, 2001. – 384 с., 1 л. портр. – С. 273 – 280.
10. Назарова Л.Н. Тургенев и русская литература конца XIX – начала XX века / Л.Н. Назарова. – Л. : Наука, ЛО, 1979. – 200 с.
11. Прокопов Т.Ф. Борис Зайцев: вехи судьбы / Т.Ф. Прокопов / Зайцев Б.К. Дальний край : Роман. Повести и рассказы. – М. : Современник, 1990. – С. 5 – 24.
12. Тургенев И.С. Собрание сочинений в десяти томах / Иван Тургенев. – М. : Госуд. изд-во художественной литературы, 1962. – Т. 6. – М., 1962. – 280 с.
13. Чулков Г. Светлеют дали / Г. Чулков. – Весы. – 1904. – № 3. – С. 13 – 16.

Аннотация

Е.С. Анненкова. Традиция тургеневского пейзажа в творческом наследии Б.К. Зайцева

Статья посвящается анализу особенностей описаний природы Б.К. Зайцева в свете классической традиции тургеневского пейзажа; в ней на

материале художественной прозы Б.К. Зайцева анализируются характерные черты пейзажных зарисовок русского писателя-эмигранта XX века.

Ключевые слова: пейзаж, романтическое мироощущение, импрессионизм.

Анотація

О.С. Анненкова. Традиція тургенєвського пейзажу в творчій спадщині Б.К. Зайцева

Стаття присвячується аналізу особливостей описів природи Б.К. Зайцева у світлі класичної традиції тургенєвського пейзажу; в ній на матеріалі художньої прози Б.К. Зайцева аналізуються специфічні риси пейзажних замальовок російського письменника-емігранта XX століття.

Ключові слова: пейзаж, романтичне світовідчуття, імпресіонізм.

Summary

E.S. Annenkova. The tradition of Turgenev's landscape in B.K. Zaitsev artistic inheritance

The article analyses B.K. Zaitsev's specific nature description in relations to the classic tradition of Turgenev's landscape; analyses typical features of landscape descriptions in the artistic prose of Russian XX century emigrant writer.

Key words: landscape, romantic perception of the world, impressionism.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук Б.Я. Бегуном.